

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 6, Pp. 1523–1540, 2023
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94 (574):325.1

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-70-6-1523-1540

«Я выслан навечно...»: к 80-летию депортации калмыцкого народа (по материалам архивов Казахстана)

Сауле Аукуеновна Жакишева¹, Кулгазира Нурановна Балтабаева²,
Зиябек Ермуханович Кабульдинов³, Анар Мурзагалиевна Смагулова⁴

¹ Казахский национальный университет им. Аль-Фараби (д. 71, пр. Аль-Фараби, 050040 Алматы, Республика Казахстан)

доктор исторических наук, профессор

 0000-0002-0319-298X. E-mail: adiconilau@mail.ru

² Казахский национальный университет им. Аль-Фараби (д. 71, пр. Аль-Фараби, 050040 Алматы, Республика Казахстан)

кандидат исторических наук

 0000-0002-6641-5802. E-mail: kulgazira_777@mail.ru

³ Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова (д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан)

доктор исторических наук, профессор, директор

 0000-0002-9625-0535. E-mail: kabulzia@rambler.ru

⁴ Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова (д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан)

научный сотрудник

 0000-0002-1630-8785. E-mail: anaru6ka@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Жакишева С. А., Балтабаева К. Н., Кабульдинов З. Е., Смагулова А. М., 2023

Аннотация. *Введение.* Этническая депортация — одна из форм политических репрессий в СССР. В директивах руководства Союза ССР прямо говорилось о насильственном, массовом выселении народов с точным указанием этнической принадлежности. *Цель и задачи исследования* — реконструировать историю пребывания, правовое положение и социальный портрет калмыков, выселенных из Калмыцкой АССР в Казахскую ССР. *Материалы и методы.* Исследование основано на применении источниковедческого, информационного, математико-статистического, конкретно-исторических методов и компьютерного контент-анализа с целью достижения информативной отдачи уникальных источников, прежде невостробованных в силу их секретности. Впервые изучены личные дела выселенцев, рассекреченные с ноября 2021 г.

Государственной комиссией по полной реабилитации жертв политических репрессий, созданной указом Президента Республики Казахстан К.-Ж. К. Токаева. Впервые изучены документы ведомственных архивов Министерства внутренних дел и Комитета национальной безопасности Республики Казахстан, переданные в 2021–2023 гг. в Архив Президента Республики Казахстан. Документы по спецпоселенцам также сосредоточены в архиве Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан и по его структурам в Туркестанской, Кызылординской областях, а также в Государственных архивах Акмолинской, Карагандинской, Кызылординской областей, Филиале «Архив общественно-политической истории Коммунально-государственного учреждения „Кзылординский областной государственный архив“». *Результаты.* Калмыки, выселенные из Калмыцкой АССР, стали прибывать в Казахскую ССР с января 1944 г., хотя республика не относилась к районам массового расселения депортированного народа. Но война вносила свои коррективы. Калмыки, несмотря на свою малочисленность, тяжелые условия жизнеобеспечения, не подверглись в принимающем обществе ассимиляции, проявили устойчивую социальную, профессиональную и психофизическую адаптацию к условиям иного окружающего жизненного пространства.

Ключевые слова: Калмыцкая АССР, Казахстан, Государственная комиссия по полной реабилитации жертв политических репрессий, калмыки, этническая депортация, спецпоселенец, рассекречивание документов

Благодарность. Исследование проведено в рамках проекта OR11465470 «Массовые политические репрессии в Казахстане в 20–50-х гг. XX века и процессы реабилитации: создание единой базы данных» Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Для цитирования: Жакишева С. А., Балтабаева К. Н., Кабульдинов З. Е., Смагулова А. М. «Я выслан навечно...»: к 80-летию депортации калмыцкого народа (по материалам архивов Казахстана) // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 6. С. 1523–1540. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-70-6-1523-1540

‘I Was Deported Forever...’: Commemorating the 80th Anniversary of Kalmyk Deportation (Investigating Kazakhstan-Based Archives)

Saule A. Zhakisheva¹, Kulgazira N. Baltabayeva², Ziyabek E. Kabuldinov³, Anar M. Smagulova⁴

¹ Al-Farabi Kazakh National University (71, Al-Farabi Ave., 050040 Almaty, Republic of Kazakhstan)

Dr. Sc. (History), Professor

 0000-0002-0319-298X. E-mail: adiconilau[at]mail.ru

² Al-Farabi Kazakh National University (71, Al-Farabi Ave., 050040 Almaty, Republic of Kazakhstan)

Cand. Sc. (History), Executive Director of the Alumni Association

 0000-0002-6641-5802. E-mail: kulgazira_777[at]mail.ru

³ Valikhanov Institute of History and Ethnology (28, Shevchenko St., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)

Dr. Sc. (History), Professor, Director

 0000-0002-9625-0535. E-mail: kabulzia[at]rambler.ru

⁴ Valikhanov Institute of History and Ethnology (28, Shevchenko St., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)

Research Associate

 0000-0002-1630-8785. E-mail: anaru6ka[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Zhakisheva S. A., Baltabayeva K. N., Kabuldinov Z. E., Smagulova A. M., 2023

Abstract. Introduction. Ethnic deportations were a form of political repression in the USSR. Official Soviet directives clearly proclaimed mass relocations with exact indications of ethnic identities the

would-be deportees should belong to. *Goals.* The study attempts a historical reconstruction of how Kalmyks from the abolished Kalmyk ASSR survived the exile, reviews their legal status, and outlines a social portrait. *Materials and methods.* The work employs a variety of research methods, such as the source study, information, mathematic/statistical, factual/historic ones and that of computer content analyses for sufficient insights into earlier classified and thus unclaimed sources. The study is the first to examine personal files declassified since November 2021 by the Government Commission for Complete Rehabilitation of Victims of Political Repressions (est. by the order of President K.-Zh. Tokayev), as well as some related documents from departmental archives of Kazakhstan's Ministry of Internal Affairs and Committee of National Security transmitted in 2021–2023 to the Archive of the President of Kazakhstan. Files dealing with special settlers are also housed at the Archive of the Committee for Legal Statistics and Special Records (Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan) and its departments in Turkistan, Kyzylorda, Akmola, Karaganda and Zhetysu regions, at the State Archive of Kyzylorda Region (its branch — Archive of Sociopolitical History). *Results.* The Kalmyk deportees started arriving in the Kazakh SSR since January 1944. Despite the Republic was not designated as a region to host the repressed people, the war decided differently. The ethnic Kalmyks — though a minority in the host society to face hard life conditions — never assimilated culturally and showed sustainable social, professional and psycho-physical adaptation skills to the changed circumstances and environments.

Keywords: Kalmyk ASSR, Kazakhstan, Government Commission for Complete Rehabilitation of Victims of Political Repressions, Kalmyks, ethnic deportation, special settler, declassification of documents

Acknowledgements. The reported study was funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Science Committee), project no. OR11465470 'Mass Political Repressions in Twentieth-Century Kazakhstan (1920s–1950s) and Rehabilitation Processes: Creating a Unified Database'.

For citation: Zhakisheva S. A., Baltabayeva K. N., Kabuldinov Z. E., Smagulova A. M. 'I Was Deported Forever...': Commemorating the 80th Anniversary of Kalmyk Deportation (Investigating Kazakhstan-Based Archives). *Oriental Studies*. 2023; 16(6): 1523–1540. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-70-6-1523-1540

Не потерял я совести от страха,
Не позабыл природный свой язык,
Под именем бурята иль казаха
Не прятался...
Я был и есть калмык!
[Кутультинов 1987: 24].

1. Введение

История калмыков, выселенных из Калмыцкой АССР в разные регионы Союза ССР, является актуальной темой как для российской, так и казахстанской науки. Актуальность не вызывает сомнений по многим основаниям, и, прежде всего, в контексте полной (юридической и политической) реабилитации жертв и пострадавших от политических репрессий 1940–1950-х гг., когда нарушения гражданских, политических и естественных прав калмыцкого народа приняли всеобъемлющий характер.

Существенный импульс исследованию проблемы депортации калмыков, исто-

рии пребывания и географии расселения, административно-правового положения калмыков-спецпоселенцев в Казахстане в 1944–1956 гг. придает использование специальных исторических методов, а также междисциплинарных подходов и методов исторической информатики и квантитативной истории, которые позволяют на основе введения в научный оборот засекреченных ранее массовых источников (личных дел депортированных) и обработки их с помощью компьютерных технологий точнее охарактеризовать тенденции и закономерности процесса адаптации калмыков на новых местах их проживания, выявить существенные признаки и реконструировать социальный портрет представителей калмыцкого народа с помощью содержательно-количественных показателей, дополняющих качественные черты и свойства изучаемого исторического явления.

25 января 1944 г. докладная записка о приеме и расселении спецпереселенцев-калмыков в Омской области была представлена Л. П. Берии [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 136. Л. 96–99]. В одной из резолюций нарком внутренних дел подчеркнул целесообразность взятия на учет калмыков и в Казахской ССР [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 136. Л. 99]. Ранее, 5 января 1944 г., были поставлены на учет в спецкомендатуре Аральского района Кызыл-Ординской области семьи калмыков, высланные из Лаганского района ликвидированной Калмыцкой АССР [Архив КПСиСУ ГП по ТО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 57945. Л. 15].

2. Материалы и методы

В документах касательно спецпоселенцев использованы разные определения: выселенец / выселенка, спецпереселенец, спецпоселенец, выселенец-спецпоселенец. Народный комиссариат внутренних дел (далее — НКВД), а с 1946 г. Министерство внутренних дел (далее — МВД) ранжировали их по категориям учета. В архивных делах под названием «Личное дело выселенца» идентифицирована категория учета — «Калмыки», а в официальных документах непременно указывается характерный признак — «выселенец-калмык», «спецпоселенец-калмык».

Видовой состав документов лично-учетного дела спецпоселенца по категории учета «Калмыки» разнообразен: директивные документы, официальная переписка госорганов, анкеты, лист о ежемесячной регистрации, контрольный лист явок на регистрацию, письма, заявления, ходатайства, расписки спецпоселенцев, характеристики с места учебы / работы, справки-запросы о наличии компрометирующих материалов, наряды на отправку заключенного в ссылку на поселение, свидетельства о смерти. Фиксировалось социальное происхождение / положение на момент заполнения документа. Личные дела имеют описи. Например, в личном деле за № 1357 ветерана Великой Отечественной войны, лейтенанта Церена Эрдни-Гаряевича Теблеева, прибывшего в 1947 г. из Сибири в Кызыл-Ординскую область, содержатся 138 документов.

Первоначальной распиской спецпоселенца можно считать ознакомление с постановлением Совета Народных Комиссаров

(далее — СНК) Союза ССР № 35 от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпоселенца». В расписке проставлялась подпись переводчика в случае незнания выселяемым русского языка. Расписка заканчивалась строкой «Подписку отобрал (должность, фамилия сотрудника НКВД и дата)».

Последующие две расписки переоформлялись вслед за новыми указами, и в них вносились корректирующие формулировки репрессивных мер в случае нарушения режима спецпоселения. Так, с выходом указа Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, высланных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» от 26 ноября 1948 г. спецпоселенец давал подписанную собственноручно новую расписку об объявлении ему указа: «я выселен навечно и за самовольный выезд (побег) из места обязательного поселения подлежу привлечению к уголовной ответственности и осуждению к 20 годам каторжных работ» [Архив КПСиСУ ГП по ТО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 29902. Л. 4]. Расписка, датированная 14 октября 1954 г., напоминала спецпоселенцу, что «за самовольный выезд (побег) из места обязательного поселения буду нести уголовную ответственность по ст. 82 части 1 УК РСФСР». Этой распиской поселенцу было объявлено «о предоставлении права проживания в пределах Казахской ССР» с обязательной регистрацией (учетом) в органах МВД на новом месте жительства [Архив КПСиСУ ГП по ТО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1701. Л. 8]. Выезд в пределах областей осуществлялся согласно маршрутному листу МВД, и при отклонении от него владелец подлежал задержанию.

Документы раскрывают жизненные перипетии спецпоселенца. Это, к примеру, получение разрешения на сдачу вступительных экзаменов в техникум и выезд по месту нахождения учебного заведения, затем на сессию, возвращение «на каникулы домой за продуктами и за средством дальнейшего существования», «за зимними одеждами и за продуктами», выезд на практику или устройство на работу «в летнее время в связи с отсутствием стипендии и источника существования» и прикрепление к другому поселковому коменданту или выезд по распределению на место работы [Архив КПСиСУ

ГП по ТО. Д. 4267. Л. 6, 8, 11–13]. Об уходе студентов на каникулы учебные заведения выдавали справку для предъявления в спецкомендатуру. При выдаче разрешения на выезд в другую местность вносилась отметка «без сопровождающего», но только для «благонадежных» [Архив КПСиСУ ГП по ТО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 57876. Л. 19].

Под контролем НКВД / МВД находилась семейная жизнь спецпоселенца, когда супруги были разлучены и жили в разных республиках, корреспонденция, поиски детей, родственников, а также запланированные встречи с родными. По этим и другим вопросам сохранилась секретная переписка МВД, причем исполнитель не только указывал свою фамилию, но и примечание: «Исполнил и черновик уничтожил». Однако сохранились сведения о спецпроверке заявителя «по всем видам учета МВД/МГБ» и об отсутствии компрометирующего материала [Архив КПСиСУ ГП по ТО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 29902. Л. 12].

На спецпоселенца оформлялась справка МВД. В ней перед фамилией прописывалась национальность: «Калмык». Одно это уже подчеркивало статус носителя. Затем в справке шла информация об адресе спецпоселения, указывался срок выселения «вечно», поскольку имелось в виду «лицо, принадлежащее к национальности калмык» [Архив КПСиСУ ГП по ТО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 57930. Л. 1].

Таким образом, источниковедческий анализ архивных материалов способствует воссозданию как истории насильственной депортации, так и в более широком смысле — адаптации калмыков в принимающем социуме.

3. Обзор литературы

Тема депортации в науке была заявлена с начала 90-х гг. XX в., постепенно расширяя круг народов, подвергнутых в СССР репрессиям. Небольшие по объему брошюры почти одновременно в 1991 г. были изданы учеными, представив читателям в общих чертах историю ликвидации Калмыцкой АССР, депортации ее народа, жизни и труда в местах ссылки, возвращения «наказанных» в родные места в 1957–1959 гг. [Бугай 1991; Убушаев 1991]. Концептуальные аспекты темы впервые в России были обсуждены в Элисте 28–29 мая 1992 г. на Рос-

сийской научно-практической конференции [Репрессированные народы 1992].

Диверсификация исследований как в России, так и в Казахстане началась с подготовки сборников архивных документов. Докладная записка наркома НКВД Л. П. Берии от 2 января 1944 г. в Государственный Комитет Обороны (ГКО) об оперативно-войсковых операциях по выселению калмыков в восточные районы СССР, впервые изданная в 1991 г. [Бугай 1991: 86], через 7 лет вошла и в казахстанское издание [Депортированные в Казахстан 1998: 269–270].

По данным ученых, в составе Красной армии в годы Великой Отечественной войны сражалось почти 26 тыс. калмыков [Максимов 2004: 255; Куканова, Очиров 2021: 751]. На демобилизованных воинов, а также отозванных с фронтов в 1944 г. и отправленных в Широклаг НКВД СССР воинов-калмыков, после освобождения из лагеря автоматически распространялся статус спецпоселенцев. Тематический раздел «Прием и обустройство калмыков» впервые выделен в 3-м томе сборника документов о насильственном переселении в Казахскую ССР в 1939–1945 гг. представителей 14 народов (немцы, карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы, крымские татары, финны, поляки, турки, курды, армяне, греки, итальянцы) [Из истории депортаций 2019]. В частности в издании приведены 8 документов, фотография семьи калмыка М. У. Сюкиева, депортированного в Казахстан в декабре 1943 г., а также воспоминание Р. М. Мамошиной «Казахстан — Родина уже для третьего поколения калмыков». Ряд документов о судьбе калмыков приведен в 7 томе «Депортированные в Казахстан народы и спецпоселенцы» серийного издания [Материалы Госкомиссии 2022], ранее — на примере лишь одной области [Спецпоселенцы 2006].

Из монографических работ следует отметить книгу «Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943–1959 гг.» отца и сына Убушаевых [Убушаев, Убушаев 2007]. Она отличается не только весомым объемом, но и содержанием, о чем подчеркнуто в рецензии [Оглаев 2007: 402–411]. Издан большой ряд научных трудов о трагедии калмыцкого народа [Бакаев 2003; Максимов 2004; Иванов 2014; и др.].

Проанализирован опыт калмыков по вы-

живанию в экстремальных ситуациях выселения и депривации на материалах устных историй. Респонденты относились к разным поколениям: выселенных взрослыми или в детском возрасте, а также родившихся в Сибири [Гучинова 2005; Гучинова 2007; Гучинова 2020].

Заслуживает внимания первый труд, раскрывающий инициативу самих калмыков по восстановлению автономии [Инициативная группа 2020]. 9 января 1957 г. автономия Калмыкии была восстановлена в формате автономной области, и калмыкам разрешили вернуться на родину.

«Словосочетание „13 лет и 13 дней“ стало в народе устойчивой фольклорной формулой, обозначающей в истории калмыцкого народа период депортации», — подчеркнуто исследователями [Куканова, Очиров 2021: 758].

Пребывание калмыков в Казахской ССР рассмотрено в научной литературе фрагментарно. Отдельные сведения приведены и в трудах казахстанских исследователей, однако до рассекречивания фондов ведомственных архивов [Калыбекова 2008; Табулденов 2015].

4. «Выселение калмыков возложить на НКВД СССР»

Часть территории Калмыцкой АССР с 5 августа 1942 г. была оккупирована войсками Третьего Рейха. С конца 1942 г. Красная армия стала освобождать Калмыкию. В последующем с периодом временной оккупации свяжут сфальсифицированные обвинения против целого народа. Президиум Верховного Совета СССР издает 27 декабря 1943 г. указ «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР», огульно обвиняя, что «многие калмыки» изменили Родине, вступали в банды, передавали оккупантам скот, противодействовали органам советской власти [ГА РФ. Ф. Р–7523. Оп. 75. Д. 363. Л. 13–14].

На следующий день, 28 декабря, принимается с грифом «Сов. секретно» постановление СНК Союза ССР № 1432/425сс, в котором предписывается в соответствии с вышеуказанным указом «всех калмыков, проживающих в Калмыцкой АССР, выселить в Алтайский и Красноярский края, Ом-

скую и Новосибирскую области. Выселение калмыков возложить на НКВД СССР» [Сталинские депортации 2005: 413–415].

В документах особо выделяется г. Аральск Кзыл-Ординской области¹, куда прибыло 648 семей калмыков, или 2 268 чел., из них 509 мужчин, 780 женщин и 979 детей в возрасте до 16 лет [Куканова, Очиров 2021: табл. 4]. Калмыки были размещены в рыболовецких поселках, которые испытывали потребность в опытных рыбаках. В это время Наркомат рыбной промышленности Казахской ССР имел 12 трудпоселков, в том числе 11 — Аралгосрыбтреста. В документах приводятся следующие наименования населенных пунктов, где поселили калмыков: поселок Бугунь на острове Узынкаир Аральского моря, села Аман-Уткул, Кзыл-Каир, Узум-Каир, Камшла-Батд, аулы Карабугут, Каска-Кулан, колхозы Карагаланб, Чумшкул, Раим.

По данным НКВД Казахской ССР, на 1 января 1945 г. численность калмыков составила 760 семей, 2 541 чел. [Архив КПСи-СУ ГП. Ф. 16. Оп. 1. Д. 83. Л. 5], в том числе в Кзыл-Ординской (2 492 чел., 743 семьи) и Талды-Курганской (49 чел., 17 семей) областях [Калыбекова 2008: 66, 87].

Одним из мест жительства калмыков, демобилизованных с начала 1945 г. из различных лагерей НКВД СССР, стал каракалпакский поселок Муйнак у берегов Аральского моря. Туда же из других частей Казахстана были направлены 185 семей в составе 538 чел. [Убушаев 1991: 58, 64]. Калмыков, у которых не было данных о наличии и местонахождении семей, родственников, направляли в распоряжение спецкомендатуры Управления НКВД по Джамбулской области. На 1 января 1947 г. в Казахстане числилось 752 семьи калмыков, или 1 937 чел. [АП РК. Ф. 708. Оп. 1/1. Д. 22. Л. 21; ЦГА РК. Ф. 1987. Оп. 1. Д. 21. Л. 1–32].

На 1 сентября 1949 г. в Казахской ССР на спецпоселении находились 2 269 калмыков. По сравнению с 1 января 1950 г. количество семей калмыков на 1 января 1951 г. увеличилось всего на 35, с 754 до 789 семей, а общая численность — на 59 чел., с 2 275 до 2 334 чел. [АП РК. Ф. 708. Оп. 1/1. Д. 22.

¹ В статье названия областей Казахской ССР приводятся в соответствии с формой написания, принятой во время, когда составлялись соответствующие архивные документы.

Л. 77, 108, 116], а в другом источнике — до 2 384 чел. [АП РК. Ф. 708. Оп. 1/1. Д. 22. Л. 126]. Основная часть калмыков — 626 семей, 1 959 чел. — оставалась в Кзыл-Ордин-

ской области, но также дисперсно они были представлены в 14 других областях, кроме Восточно-Казахстанской, которая граничила с Китаем (см. табл. 1).

Таблица 1. Распределение калмыков-спецпоселенцев в Казахской ССР

по состоянию на 1 января 1951 г. [АП РК. Ф. 708. Оп. 1/1. Д. 22. Л. 126]

[Table 1. Dispersal of Kalmyk special settlers across the Kazakh SSR as of 1 January 1951]

Области	Кол-во семей	Кол-во чел.
Алма-Атинская область	56	128
Акмолинская область	3	11
Актюбинская область	9	21
Восточно-Казахстанская область	—	—
Гурьевская область	10	14
Джамбулская область	12	31
Западно-Казахстанская область	2	2
Кустанайская область	926	
Кокчетавская область	1	7
Карагандинская область	20	65
Кзыл-Ординская область	626	1 959
Павлодарская область	2	17
Северо-Казахстанская область	7	11
Семипалатинская область	9	22
Талды-Курганская область	15	50
Южно-Казахстанская область	8	20
ВСЕГО	789	2 384

Например, согласно отчету по хозяйственному и трудовому устройству спецпереселенцев по Карагандинской области в 1947–1948 гг. калмыки не числились среди контингента [ГА КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 843. Л. 5–15]. Однако по статданным на 1 августа 1948 г. на территории этой области проживали 10 семей из бывшей Калмыцкой АССР в составе 20 чел. [ГА КО. Ф. 1–П. Оп. 7. Д. 133. Л. 7–13]. По состоянию на 1 января 1951 г. их численность увеличилась более чем в 3 раза. Согласно данным Управления МВД Акмолинской области, по состоянию на 3 сентября 1954 г. в области было расселено 77 416 взрослых спецпереселенцев, в том числе 6 калмыков [ГА АО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 69].

По состоянию на 1 января 1951 г. в 10 городах проживали 62 семьи калмыков в составе 157 чел.: Караганда (59 чел.), Алма-Ата (42), Кзыл-Орда (18), Семипалатинск (17), Гурьев (9), Кокчетав (7), Петропавловск (2), Актюбинск (1), Кустанай (1)

и Чимкент (1 чел.) [АП РК. Ф. 708. Оп. 1/1. Д. 22. Л. 119, 126об.].

Аналитики МВД считали, что имело место «неправильное вселение» в городскую черту спецпоселенцев [АП РК. Ф. 708. Оп. 1/1. Д. 22. Л. 137]. Вопрос об отселении спецпоселенцев от промышленных центров, железнодорожной магистрали и государственной границы был поднят в приказе МГБ СССР № 00552 от 16 ноября 1950 г. Кзыл-Ординская область предложила отселить из 17 населенных пунктов, в которых было сосредоточено более 60 % всех спецпоселенцев. О непродуманном предложении свидетельствует признание Управления МГБ по области, что пунктов, куда можно было бы еще раз выселить обустроенных спецпереселенцев, нет в области [АП РК. Ф. 708. Оп. 1/1. Д. 22. Л. 138].

На записку МВД СССР о спецпоселенцах МВД Казахской ССР 1 апреля 1954 г. подготовило справку, в которой, в частности, предлагалось «освободить из спецпо-

селений без всяких ограничений немцев, проживавших в Казахстане до 1941 года, поляков, калмыков и всех высланных из ирано-албанской¹ границы в 1937 году, из Прибалтийских республик и Молдавии в 1940–1941. Всего 312 000 человек» [АП РК. Ф. 708. Оп. 1/1. Д. 22. Л. 155].

Это было не случайно. Никакого законодательного акта о взятии на учет местных калмыков не было принято. Например, в отличие от ингушей и чеченцев, калмыки демонстрировали иные стратегии выживания и адаптации. Калмыков отличали трудолюбие и выносливость, дисциплинированность и основательность, целеустремленность и настойчивость, бесконфликтность и умение ладить с окружающими, практически отсутствие конъюнктуры, о чем свидетельствует медленный рост численности коммунистов. Если среди депортированных чеченцев коммунистов было 817, ингушей — 325, то среди калмыков — всего 54 [АП РК. Ф. 708. Оп. 1/1. Д. 22. Л. 14]. Однако необходимо учитывать, что численность депортированных в Казахстан чеченцев и ингушей была большей в сравнении с численностью калмыков, которых в основном выселяли в сибирские регионы.

5. Жизнь в спецпоселении: общее горе, одна беда и боль народа

Во исполнение постановления СНК СССР № 627-176сс «О выдаче скота и продовольственного зерна спецпереселенцам — карачаевцам, чеченцам, ингушам, балкарцам и калмыкам в обмен за принятые от них скот и зерно в местах выселения» 18 мая 1944 г. принимается постановление правительства Казахской ССР «О выдаче скота спецпереселенцам» [ЦГА РК. Ф. 1987. Оп. 3. Д. 11. Л. 11–12]. Затем распоряжением от 10 июня 1944 г. № 37с для окончательного расчета с названными категориями спецпереселенцев было выделено 9 203 т продовольственного зерна (пшеницы, ржи, ячменя), 701 т из которых была распределена в Карагандинскую область. Норма вы-

дачи на человека устанавливалась в 19 кг, независимо от возраста спецпереселенца, места расселения и работы [ГА КО. Ф. 18. Оп. 6. Д. 24. Л. 82].

Распоряжением СНК СССР в ноябре–декабре 1944 г. переселенцам-калмыкам были выделены: хозяйственное мыло, плиточный чай, соль, шерсть для изготовления валенок, хлопчатобумажная ткань. Ткань и валенки планировалось распределить среди наиболее нуждающихся и детей. Остальное — из расчета по 200 г мыла, 100 г чая, 500 г соли, судя по документам, выдавалось каждому спецпереселенцу [ЦГА РК. Ф. 1987. Оп. 3. Д. 17. Л. 60].

Ряд семей дошли до крайней степени истощения из-за отсутствия продуктов питания и топлива, по причине наплевательского отношения руководителей предприятий, которые увольняли больных. Так, 3 января 1945 г. Аральское районное отделение НКВД информировало райком партии о положении калмыков и чеченцев: «Очирова Бюрюк Тюрбеевна — калмычка, 1904 г. р., находится в больнице, осталась дочь 1936 г. р., проживают в бараке 3, кв. 40. Ранее она нигде не работала по болезни. Надбитова Нитя Кочановна — калмычка, 1901 г. р., с дочерью Таней 1940 г. р. на днях прибыла с Амануткуля, к труду временно неспособны, с дочерью опухшие, барак 1, кв. 9; Доржиева Оля Багаевна — калмычка, 1928 г. р., с братом Владимиром 1941 г. р., ранее нигде не работали по болезни. В данное время опухшие и истощенные, барак 1, кв. 12» [Филиал «Архив ОПИ КОГА». Ф. 120. Оп. 1. Д. 904. Л. 15, 15об.]. Председатель Аральского райисполкома докладывал председателю облисполкома о недополучении продуктов для спецпереселенцев [ГА Кызылординской обл. Ф. 283. Оп. 1. Д. 223. Л. 106].

О самоустранении областных и районных властей от работы по хозяйстройству спецпереселенцев сказано и в постановлении «О недостатках в хозяйственном устройстве спецпереселенцев, расселенных в Казахской ССР» от 26 апреля 1945 г. [АП РК. Ф. 708. Оп. 1. Д. 8. Л. 334–339]. С момента переселения до июня 1949 г. число умерших калмыков в Казахстане достигло 405 человек [Бугай 1991: 45; Сталинские депортации 2005: 432].

По Союзу смертность калмыков была наивысшей среди депортированных наро-

¹ Так в источнике. Аналитики МВД Казахской ССР, очевидно, хорошо знали древнюю историю, если к месту использовали термин об «ирано-албанской» границе. Речь идет об исторической Кавказской Албании, которая занимала территории современных Азербайджана (границит с Ираном), России (Дагестан) и Грузии.

дов. Так, согласно справке МВД СССР «О количестве выселенцев и спецпоселенцев, первоначально переселенных на спецпоселение, и о количестве выселенных и спецпереселенцев, прошедших переучет в 1948–1949 гг.» переселено было на спецпоселение 91 919 калмыков, численность прошедших переучет в 1948–1949 гг. составляла 73 727 калмыков, т. е. 16 017 чел. умерли [Спецпоселенцы 2006: 173]. В 1953 г. показатели смертности среди калмыков увеличились до 16 594 чел., наибольший процент смертности среди депортированных приходится на 1944 г.

Исключительно трудным было положение детей, многие из которых остались без родителей. Вот один из примеров: «Я своего отца не знаю, он умер, когда я был 3-[летним] ребенком. Мать моя тоже умерла в 1944 г. Я сам до 1944 года находился с матерью, после ее смерти я остался беспризорником в Красноярском крае. После смерти мамы вскоре меня отдали в детдом, которого я сейчас не помню, откуда по болезни меня передали в детский санаторий главсан Красноярского края, где я находился до моего излечения в течение полутора лет. В 1948 году по разрешению приехали в главсан и взяли к себе сестра с мужем, где проживаю в настоящее время. В данное время работаю на судоремонтном заводе электромонтером, член ВЛКСМ с 1952 года, учусь в вечерней школе в 6 классе. Домашний адрес г. Аральск, у[лица] неизвестна. Подпись 12.X.55 г. [Архив КПСиСУ ГП по ТО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 57938. Л. 6].

По причине отсутствия одежды и обуви, школьных принадлежностей дети не посещали школы, а те, которым посчастливилось сесть за парты, не могли учиться на родном языке. Согласно разъяснению НКВД Казахской ССР об обучении детей спецпереселенцев в 1944 г., за исключением относящихся к национальностям воевавших с СССР государств (немцы, финны и т. д.), при направлении их в школы фабрично-заводского обучения (ФЗО) и ремесленные училища переходили на учет в городское или районное отделение НКВД по месту нахождения учебного заведения. Затем выпускники направлялись на работу только в пределах края или области своего постоянного расселения [АП РК. Ф. 708. Оп. 8. Д. 154. Л. 20]. В архивных источниках есть

сведения об обучении калмыков в школах ФЗО, строительном техникуме, Институте народного хозяйства, Казалинском зооветеринарном техникуме и т. д.

До особого указания калмыки были временно освобождены от призыва в армию [ЦГА РК. Ф. Р–1109. Оп. 2. Д. 34. Л. 5; ГА КО. Ф. 18. Оп. 6. Д. 50. Л. 65–66]. В целях укрепления режима поселения для выселенных в период войны чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и др., а также в связи с тем, что во время их переселения не были определены сроки их высылки, власть «по умолчанию» считала, что выселение проведено навечно. Депортированные калмыки должны были подписать расписки о снятии с учета спецпоселения в 1956 г., но без права пребывания в бывшей Калмыцкой АССР, или области, крае, автономной республике, где они проживали до выселения, в расписке такие калмыки оповещались, «что жилой дом и другое имущество, конфискованное при выселении, возвращению не подлежит» [Архив КПСиСУ ГП по ТО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 60365. Л. 11; ГА КО. Ф. 18. Оп. 6. Д. 75. Л. 48].

6. Социальный портрет депортированных калмыков

В ведомственных архивах Казахстана выявлено 200 личных дел калмыков, переселенных преимущественно из Сибири (вторичная депортация). Значительная часть документов личных дел имеет унифицированный вид, позволяющий использовать их для математико-статистического и контент-анализа в компьютерной базе данных при реконструкции социального портрета депортированных.

Следует отметить, что, несмотря на высылку калмыков из Сибири в Казахстан в течение 1947 г., фактическая регистрация с выдачей справки-основания на новом месте проживания растянулась до марта 1952 г., что было связано с такими факторами как переселение в связи с женитьбой / замужеством или воссоединением ближайших родственников с главой семьи, а также рекомендацией врачей о смене климата из-за прогрессирующей тяжелой болезни (чаще, туберкулез). Отдельные выселенцы (6,25 %) не всегда на новом месте становились на учет в комендатуре. Процесс завершения

высылки и передача личных дел спецпереселенцев в архив 1-го спецотделения УМВД Южно-Казахстанской области пришелся на апрель 1956 г. в связи с исполнением приказа МВД СССР № 094 от 19 марта 1956 г. о снятии депортированных с учета в спецпоселениях.

Анализ половозрастных показателей позволил сделать вывод о том, что среди спецпоселенцев незначительно преобладали женщины, что составило 52 % от общего числа на период с 1949 по 1956 гг. На момент заведения личного дела и регистрации в комендатурах в 1949 г. среди калмыков преобладал возраст в диапазоне от 15 до 26 лет: 39,13 % мужчин и 36 % женщин, а от 38 до 48 лет — соответственно 30,43 % и 16 % (см. рис. 1).

Действительно, среди депортированных представлено преимущественно два поколения «отцов и детей». Несовершеннолетних детей забирали в детские дома, как, например, у Евдокии Очеровны Музгуновой, старшего бухгалтера Туркестанского лесхоза, считавшейся главным кормильцем воссоединившейся многочисленной родни (матери, дяди, родных и двоюродных братьев и сестер, племянников), сестра 8 лет и брат 5 лет были помещены в детский дом № 4 г. Туркестана [Архив КПСиСУ ГП по ТО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 57930].

Приблизительно с равным распределением представлены мужчины и женщины в интервале 27–37 лет. Количество женщин фертильного возраста от 15 до 48 лет меньше почти на 19 % от числа мужчин аналогичного возраста.

На вопрос анкеты спецпоселенца родным назвали калмыцкий язык 97 %, лишь 3 % выселенных с Северного Кавказа калмыков, женатых на русских женщинах, указали родным русский язык. Парадоксальный случай отмечен в одном из личных дел. Так, в агентурном донесении от 2 апреля 1949 г. сообщалось, что «спецпоселенец по национальности калмык Болдыров Джангар Титаевич готовится к побегу. План у Болдырова таков: достать себе паспорт на казахскую фамилию и себя зарекомендовать по месту прибытия как казах, так как он исключительно хорошо знает и чисто владеет казахским языком и поет тоже хорошо на казахском и татарском мотиве» [Архив КПСиСУ ГП по ТО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 57923. Л. 5]. Осведомитель называет Болдырева уголовником, получившим инвалидность в лагерях. Кстати, инвалидность рядовой Д. Болдырев получил в ходе боевых действий на фронте, что было подтверждено военкоматом [Архив КПСиСУ ГП по ТО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 57923. Л. 5об.].

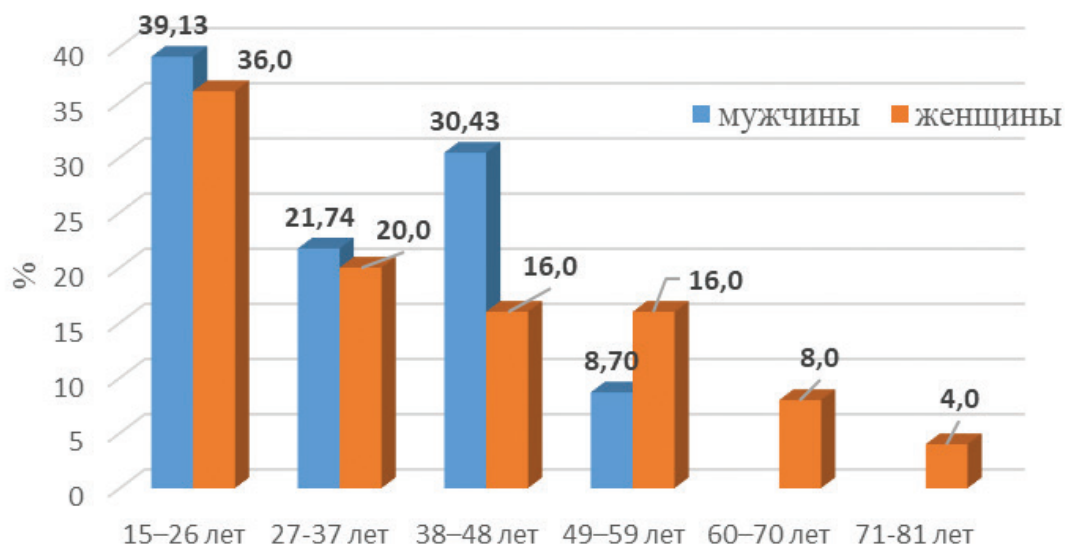

Рис. 1. Гистограмма распределения калмыков-спецпереселенцев по возрасту и полу, за 1949–1956 гг.

[Fig. 1. Kalmyk special settlers by age and sex. Histogram. 1949–1956]

Калмыки, проживавшие в период ссылки в Казахстане, были преимущественно выходцами из сельской местности. Лишь 8,4 % родились в Элисте (которая в тот период только по статусу являлась городом, столица автономии лишь строилась), остальные являлись уроженцами Приволжского и Троицкого (по 20,8 %), Лаганского (8,4 %), Кетченеровского и Юстинского (по 4,2 %), Улан-Хольского, Черноземельского, Долбанского районов (по 2 %) Калмыцкой АССР и Камызякского района Астраханского округа (2 %), включенных по указу Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 г. в состав созданной Астраханской области, а также включенных в состав Сталинградской области Сарпинского района (4,2 %), в состав Ростовской области — Западного района (10,6 %), в состав Ставропольского края — Приютинского района (6,4 %), а также по 2,0 % калмыков из Наурского района Грозненской и Котельниковского района Сталинградской областей.

Прибытие в Кызыл-Ординскую (Аральск, Аральский район) и Южно-Казахстанскую области (Шаульдерский, Сайрамский, Туркестанский районы) проходило в несколько потоков. Основная часть калмыков была переселена в Казахстан непосредственно из Калмыкии, существенное число — через Сибирь (см. табл. 2).

Доминирующим фактором внутривосприимчивости являлась потребность в воссоединении ближайших родственников с семьями, которые находились преимущественно в Алтайском крае, Новосибирской, Тюменской и Омской областях, причем этот процесс приходится на 1952–1955 гг., характеризующиеся некоторым «ослаблением» режима спецпоселения, когда из 100 % прошений о воссоединении родственников, о командировках по области и в Алма-Ату, о прохождении повышения квалификации, учебы в другом городе, о каникулах у старших родственников и т. д. удовлетворялись почти на 80 %. Среди калмыков 38,4 % состояли в браке, немногим меньше (32,35 %) составили не женатые / не замужние, а вдовы — 8,82 %. Находясь на спецпоселении, 2,94 % мужчин развелись. Основной причиной развода стало нежелание жен с детьми переехать к мужу на новое

место жительства в Казахстан из Алтайского края и Новосибирской области. Многие из разведенных и холостых мужчин (5,88 %) вступали в гражданский брак, женились официальным браком своих сыновей на калмычках-спецпоселенках, выявляя в ходе переписки с родственниками «достойные» кандидатуры. Подобный факт свидетельствовал о стремлении калмыков сохранить национальную идентичность в сложных условиях пребывания в иной среде.

Образовательный уровень среди спецпоселенцев варьировался от неграмотных (14,6 %) и малограмотных граждан с 3–4 классами образования (29,42 %) до специалистов со среднеспециальным (8,84 %), неоконченным высшим (5,9 %) и высшим образованием (1,77 %). Те, кто в высылке имел 6–7-, 8–9-классное образование (соответственно 17,65 % и 8,82 %), пытались продолжить обучение в вечерней школе, в Казалинском ветеринарно-зоотехническом техникуме, Аральском государственном профессионально-техническом училище (ГПТУ).

Калмыки, получившие полноценное образование, находясь на спецпоселении в Казахстане, помимо рыбной отрасли (27 %), работали в сфере бухгалтерского учета (6,25 %), ветеринарии (6,25 %), материального снабжения (12,5 %), добывающей промышленности (2 %), образования (10,42 %) и сельского хозяйства (12,5 %), причем из них на руководящих постах среднего звена около 15 % трудились в качестве начальника снабжения Аральской судоверфи, старшего товароведа Узбытнаба, начальника районного отдела кинофикации, десятника машинно-мелиоративной станции по устройству дамб в колхозах, бригадира сельхозартели и т. д. Малограмотные устраивались чернорабочими и сторожами (19,4 %). Не работающими иждивенцами (3,68 %) были престарелые матери семейств, многодетные домохозяйки, мужчины с ослабленным здоровьем, но и они часто занимались сапожным и портновским делом, сдельной работой.

Анализ материалов личных дел позволил выявить сведения об участниках Великой Отечественной войны, получивших ранения и комиссованных в тыл, но депортированных

Таблица 2. Динамика переселения калмыков из регионов СССР в Казахстан
(составлена по материалам указанных архивов Казахстана)
[Table 2. Dynamics of Kalmyks' resettlement from other Soviet regions to Kazakhstan]

Откуда выселены	Промежуточная фаза выселения	В КазССР, % от общего числа
Калмыцкая АССР	Непосредственно в Казахскую ССР (Аральск)	33 %
Калмыцкая АССР / Фронт	Исправительно-трудовые лагеря НКВД (Усольский, Широковский, Карагандинский, Янский)	11 %
Калмыцкая АССР	Сибирь (Ямало-Ненецкая АО, Якутия, Хакасия (г. Черногорск), Новосибирская область, Тюменская область (Березинский район), Омская область (Полтавский район), Красноярский край (с. Ужур)	27 %
Ростовская область	Сибирь (Ямало-Ненецкая АО, Якутия, Хакасия (г. Черногорск), Новосибирская область, Тюменская область (Березинский район), Омская область (Полтавский район), Красноярский край (с. Ужур), Урал (Нижний Тагил, Молотовская область)	8 %
Астрахань Сталинградской области	Алтайский край (Змеиногорский район)	13 %
Северный Кавказ, Грозненская область	Непосредственно в Казахскую ССР (Аральск)	6 %
г. Москва	Непосредственно в Казахскую ССР (Аральск)	1,5 %
г. Гурьев	Непосредственно из Гурьевской в Южно-Казахстанскую область	0,5 %

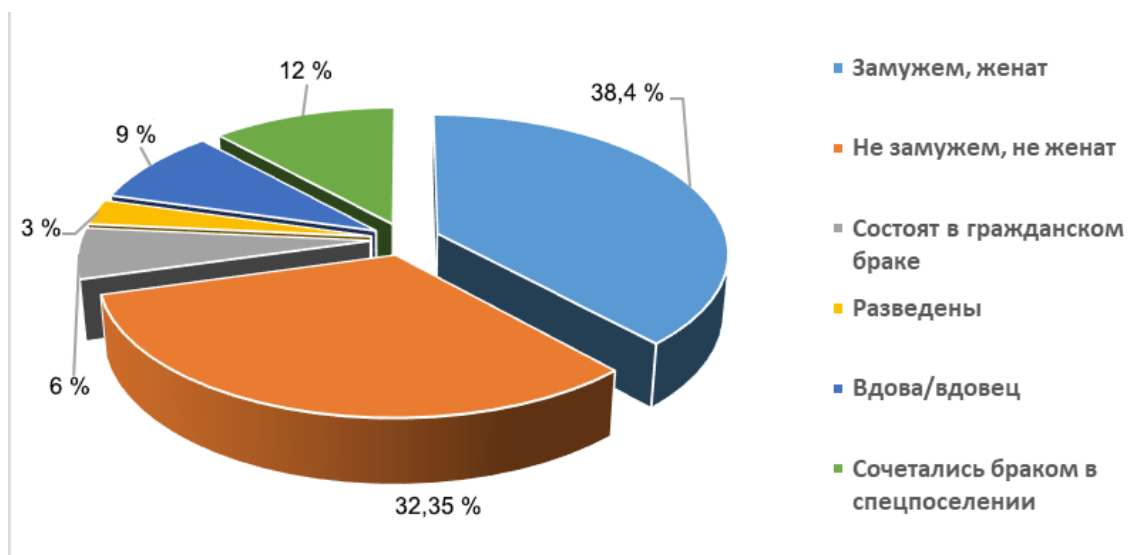

Рис. 2. Семейное положение калмыков-спецпоселенцев, за 1949–1956 гг.
[Fig. 2. Data on family status of Kalmyk special settlers. 1949–1956]

ных в спецпоселения. Гвардии лейтенант Есин Гаряевич Алексеев, 1923 г. рождения, командир кавалерийского эскадрона разведки, награжденный орденом «Отечественной войны» II степени, медалями «За отвагу» и «За освобождение Кавказа», инвалид войны II группы, прибыл по демобилизации в марте 1945 г. и практически сразу же был взят на учет. В 1947 г. выслан в Новосибирск, где работал в военкомате и физруком в средней школе. В августе 1949 г. отправлен на поселение в г. Аральск. После окончания Казалинского зооветтехникума он работал техником-дератизатором на Аральской морской противочумной станции. По разнарядке Минсельхоза его переводят зоотехником в Чимкент, затем на ст. Арысь, из-за ухудшения здоровья — в райцентр Сайрам Южно-Казахстанской области.

Невзирая на боевые заслуги, 10,5 % военнослужащих (командный, сержантский и рядовой состав) после госпиталя или демобилизации отправляли на спецпоселение. С репатриированными из Германии солдатами поступали аналогичным образом.

Социальная помощь ветеранам и инвалидам войны, детям и вдовам погибших на фронте (10,4 %) осуществлялась в виде предоставления санаторно-курортного лечения в Каменке, в горах Алма-Аты, протезирования глаз и конечностей, пенсий по утере кормильца в размере 50–60 рублей. Основанием для лечения в санатории было принятое 14 июля 1942 г. постановление ГКО о выдаче «Отличительных знаков для раненых военнослужащих Красной Армии на фронтах Отечественной войны», обладателями которых среди спецпоселенцев было 6,3 % от общего числа. Передовикам производства выделялись премии (8,3 %) и ссуды в сельхозбанке (4,17 %). Например, 19-летний житель Аральска Константин Дорджиевич Цеджин, слесарь механического цеха судоверфи, за хорошую работу получил в 1950 г. премию в размере 100 рублей [Архив КПСиСУ ГП по ТО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 60763].

За спецпоселенцами велся негласный надзор, постоянно проводилась проверка на «благонадежность». Во всех личных делах есть справки об отсутствии девиантного поведения и компрометирующих материалов. Наказания за опоздание при ежегод-

ной перерегистрации на учет выражались в штрафе в 25 рублей (около 3 % случаев), за бытовые драки и появление в пьяном виде комендатуры ограничивались (около 5 %) воспитательными мерами.

Среди спецпоселенцев в Казахской ССР был будущий народный поэт Калмыкии Константин Эрендженович Эрендженов, член Центрального исполнительного комитета Калмыцкой АССР, репрессированный 2 октября 1937 г. Особым Совещанием НКВД СССР [Архив КПСиСУ ГП по ТО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 57947. Л. 17]. В заявлении начальнику Красноярского краевого управления МГБ СССР он писал: «Срок наказания я отбыл на Колыме календарно и освобожден из лагеря 5 октября 1942 г. С 1942 г. по 1947 г. я работал по вольному найму в санаторном управлении Дальстроя МВД СССР Хабаровского края. В конце 1947 г. я прибыл в Новосибирскую обл. ... к родному брату Эрендженову Харе и к семье, которые живут и работают в колхозе этого же района. ... я жил с ними и работал честно, добросовестно, помогал семье и брату. Вдруг 29 апреля 1949 г. я был подвергнут аресту Барабинского РО МГБ и посажен в тюрьму г. Новосибирск по делу вышеуказанного 1937 г. и сослан на поселение в Красноярский край. Семья моя, жена Чилдакова Наталья Савельевна с 8-летней дочерью Ниной и грудным ребенком Зоей, и брат фронтовик-инвалид с несовершеннолетними детьми, остались на месте, разлучившись со мной второй раз. Мне остается неясным то обстоятельство, почему именно меня одного перебросили сюда в Красноярский край, когда я, как моя семья и родные, находятся на учете в комендатуре МВД Барабинского района Новосибирской обл. в районе ПОСЕЛЕНИЯ¹. Моя семья и родной брат живут и работают в колхозе этого же района, укоренившись с 1943 г.² Поэтому я прошу вас во имя справедливости перевести меня к моей семье, к родному брату... Я это считаю целесообразней, чем вызвать две семьи, ходатайствовать перед колхозом и комендатурой. Если только я обязан жить и работать в пределах Красноярского края,

¹ Так в тексте.

² Имеет в виду с момента депортации, в Новосибирскую область калмыки прибыли в январе 1944 г.

то я вас прошу перевести меня в один из южных районов: Ачинск или Минусинск, где я могу устроиться по специальности и вызвать мою семью...» [Архив КПСиСУ ГП по ТО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 57947. Л. 17].

Дело № 1147 Управления МГБ по Новосибирской области по обвинению К. Э. Эрендженова внесено в протокол № 35 Особого Совещания при Министре государственной безопасности Союза ССР от 18 июня 1949 г. Обвинение за принадлежность «к антисоветской националистической организации» зафиксировано по ст. 19-58-8, 58-10 ч. 1 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР [Архив КПСиСУ ГП по ТО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 57947. Л. 12].

К. Э. Эрендженев прибыл в Красноярский край 25 июля 1949 г. и был этапирован к месту назначения ссылки-высылки-поселения 5 августа 1949 г. На его заявление о переводе к семье в Новосибирскую область МГБ СССР 30 марта 1950 г. дает отрицательный ответ, ибо Барабинский район не являлся местом его ссылки [Архив КПСиСУ ГП по ТО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 57947. Л. 21]. 12 апреля 1951 г. он был отправлен в Минусинский район и взят «под гласный надзор». Согласно указу ПВС СССР об амнистии от 27 марта 1953 г. и приказу МВД и Генерального прокурора СССР № 00350/76с от 24 апреля 1954 г., К. Э. Эрендженев подлежал освобождению из ссылки, но это означало его перевод на положение спецпоселенца по категории «Калмыки».

8 декабря 1954 г. Управление МВД по Акмолинской области секретным отношением подтвердило в Управление МВД Хакасской автономной области о прибытии в Акмолинск К. Э. Эрендженова и запросило его личное дело [Архив КПСиСУ ГП по ТО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 57947. Л. 87]. Он прибыл с третьей супругой, Кермен Горяевой и с дочерью Светланой, 1953 года рождения. Далее по маршрутному листу направлен в г. Туркестан, куда он прибыл в середине ноября 1955 г. К. Э. Эрендженев работал печником в «Нефтебазстрое» г. Целинограда и на ст. Туркестан. 4 апреля 1956 г. ему было объявлено об освобождении из спецпоселения. Из Казахстана он переехал в Ленинград, принимал активное участие в восстановлении калмыцкой государствен-

ности и реабилитации народа.

На практике допускались также нарушения прав калмыков, проживавших до депортации за пределами Калмыцкой АССР. Приведем два примера. Особое Совещание при МВД СССР 17 июня 1949 г. приняло решение об осуждении на 20 лет каторжных работ Марии Папишевы Манжиевой, 1897 года рождения, уроженки Ростовской области, беспартийной, малограмотной. По версии МВД, в августе 1948 г. она совершила побег из Новосибирска в Алма-Ату, уклонившись от учета в спецкомендатуре. Женщина была реабилитирована 20 марта 1959 г. Судебной коллегией по уголовным делам Казахской ССР за отсутствием в ее действиях состава преступления [Депортированные в Казахстан 1998: 270–271]. Второй случай. Санджи Васильевич Бадмаев, член ВКП(б), около 10 лет проработал в органах военной прокуратуры, не подвергался выселению из Калмыцкой АССР, ибо проживал в Средней Азии. Но в марте 1949 г. он был взят на спецучет, освобожден от преподавательской деятельности в юридическом институте [АП РК. Ф. 708. Оп. 1/1. Д. 22. Л. 98].

7. Выводы

28 декабря 2023 г. исполняется 80 лет со времени трагических декабрьских событий 1943 г. в Калмыцкой АССР. Тогда насильственному изгнанию подвергся народ, добровольно вошедший еще в XVII в. в состав Российского государства. В результате насильственных актов власть насильственно разрушила этносоциальное и территориальное единство калмыков. Они превратились из титульной нации автономной республики, занимавшей второе место в иерархии национальностей Союза [Дёнингхаус 2011: 53–55], в этнодисперсное меньшинство в иноэтнической среде.

Калмыки были выселены не только в Сибирь, но и в Казахскую ССР. Дополнительными источниками переселения в республику стали бывшие участники войны, в 1944 г. оказавшиеся узниками ГУЛАГа, а также военнопленные, репатриированные из Германии, и прибывшие по ходатайству родственников с целью воссоединения семей калмыки.

Специализация калмыков в области животноводства не была реализована в новых местах вселения. Казахи были близки к калмыкам по хозяйственно-культурному типу. Оба народа затронули и репрессии, начавшиеся в СССР в 20-е–30-е гг. XX в.

Рассекречивание в Республике Казахстан с конца 2021 г. архивных фондов по политическим репрессиям позволило полнее реконструировать одну из самых трагических страниц истории калмыцкого народа. Затяжной по времени депортационный опыт выживания поднял роль женщины в семье. Вытесненные с родины калмыки, несмотря на свою малочисленность, тяжелые условия жизни, стойко переносили национальную катастрофу.

Их желание выехать из Казахской ССР было связано с пребыванием близких и

членов семей в разных регионах РСФСР и стремлением воссоединиться после долгих лет разлуки в восстановленной автономной области. Преодоление мощного депортационного стресса и психологической травмы от несправедливости и дискриминации, пережитых болей, потрясений и потерь, не было снято возвращением калмыков на свою родину. Убийственная и деморализующая формула «выслан навечно» указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. не могла быть забыта народом. Но в советское время существовали идеологические ограничения, которые не позволяли широко исследовать тему репрессий. В настоящее время становятся доступными новые источники по указанному периоду, что позволяет сохранить историческую память общества об этой трагедии.

Источники

Архив КПСиСУ ГП — Архив Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной Прокуратуры Республики Казахстан (г. Астана).

Архив КПСиСУ ГП по ТО — Архив Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан по Туркестанской области (г. Туркестан).

АП РК — Архив Президента Республики Казахстан (г. Алматы).

ГА АО — Государственный архив Акмолинской области (г. Кокшетау).

ГА КО — Государственный архив Карагандинской области (г. Караганда).

ГА Кызылординской обл. — Государственный архив Кызылординской области (г. Кызылорда).

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации (г. Москва).

Из истории депортаций 2019 — Из истории депортаций. Казахстан. 1939–1945 гг.: Сб. док. Т. 3. Алматы: LEM, 2019. 708 с.

Материалы Госкомиссии 2022 — Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20–50 годы XX века): в 31 тт.

Т. 7. Депортированные в Казахстан народы и спецпоселенцы: Сб. док. и материалов / под общ. ред. Е. Т. Карина. Астана: ИИЭ им. Ч. Ч. Валиханова; ТОО «Литера-М», 2022. 368 с.

Национальный состав 2000 — Национальный состав Республики Казахстан. Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан: статистический сборник. Т. 4. Ч. 1 / под ред. А. Смаилова. Алматы: Агентство РК по статистике, 2000. 242 с.

Спецпоселенцы 2006 — Спецпоселенцы в Карагандинской области: сб. док. и материалов / сост. Р. М. Жумашев, Л. В. Михеева; под. ред. Е. К. Кубеева. Караганда: КарГУ, 2006. 325 с.

Сталинские депортации 2005 — Сталинские депортации. 1928–1953. Документы / под общ. ред. А. Н. Яковлева; сост.: Н. Л. Поболь, П. М. Полян. М.: МДФ; Материк, 2005. 904 с.

Филиал «Архив ОПИ КОГА» — Филиал «Архив общественно-политической истории Коммунально-государственного учреждения «Кызылординский областной государственный архив» (г. Кызылорда).

ЦГА РК — Центральный государственный архив Республики Казахстан (г. Алматы).

Sources

- Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan).
- Central State Archives of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan).
- Chilikova E. V. et al. (comps.) Fragments from the History of Deportations. Kazakhstan, 1939–1945: Collected Documents. Vol. 3. Abdukadyrova D. Yu., Alimgazinov K. Sh. et al. (eds.). Almaty: LEM, 2019. 708 p. (In Russ.)
- Karin E. T. (ed.) Victims of Political Repressions, 1920s–1950s: Materials of the Rehabilitation Commission. In 31 vols. Vol. 7: Ethnic Deportees and Special Settlers in Kazakhstan. Collected Documents and Materials. Astana: Valikhanov Institute of History and Ethnology, Litera-M, 2022. 368 p. (In Russ.)
- Pobol N. L., Polyan P. M. (comps.) Stalin's Deportations, 1928–1953: Documents. A. Yakovlev (ed.). Moscow: MDF, Materik, 2005. 904 p. (In Russ.)
- Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Committee for Legal Statistics and Special Records, Archive (Astana, Kazakhstan).
- Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Committee for Legal Statistics and Special Records in Turkistan Region, Archive (Turkistan, Kazakhstan).
- Smailov A. (ed.) Ethnic Composition of the Republic of Kazakhstan. Outcomes of the 1999 Census: A Statistical Digest. Vol. 4. Pt. 1. Almaty: Kazakhstan Statistics Agency, 2000. 242 p. (In Russ.)
- State Archive of Akmola Region (Kokshetau, Kazakhstan).
- State Archive of Karaganda Region (Karaganda, Kazakhstan).
- State Archive of Kyzylorda Region (Kyzylorda, Kazakhstan).
- State Archive of Kyzylorda Region, Archive (Branch) of Sociopolitical History (Kyzylorda, Kazakhstan).
- State Archive of the Russian Federation (Moscow, Russia).
- Zhumashev R. M., Mikheeva L. V. (comps.) Special Settlers in Karaganda Region: Collected Documents and Materials. E. Kubeev (ed.). Karaganda: Karaganda State University, 2006. 325 p. (In Russ.)

Литература

- Бакаев 2003 — Бакаев П. Д. О трагедии в истории калмыцкого народа. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 176 с.
- Бугай 1991 — Бугай Н. Ф. Операция «Улусы». Элиста: Респ. центр развития культуры, науки и просвещения им. Зая-пандиты, 1991. 88 с.
- Гучинова 2005 — Гучинова Э.-Б. Помнить нельзя забыть: антропология депортационной травмы калмыков. Штутгарт: Ibidem-Verlag, 2005. 283 с.
- Гучинова 2007 — Гучинова Э.-Б. «Я — высланная, ты — без ноги». Депортация калмыков (1943–1956): гендерный взгляд // Acta Slavica Iaponica, 2007. Т. 24. Рр. 74–99.
- Гучинова 2020 — Гучинова Э.-Б. Этническая идентичность как стигма: калмыки в депортации (1943–1956 гг.) [электронный ресурс] // Антропологический форум. 2020. № 47. С. 154–180. URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/047/guchinova.pdf> (дата обращения: 23.09.2023). DOI: 10.31250/1815-8870-2020-16-47-154-180.
- Депортированные в Казахстан 1998 — Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы / сост. Г. Анес. Алматы: Арыс–Қазақстан, 1998. 428 с.
- Дённингхаус 2011 — Дённингхаус В. В тени «Большого Брата»: западные национальные меньшинства в СССР (1917–1938 гг.). М.: РОССПЭН, 2011. 727 с.
- Иванов 2014 — Иванов А. С. «Изъять как антисоветский элемент...»: калмыки в государственной политике (1943–1959 гг.). М.: ИРИ РАН, 2014. 294 с.
- Инициативная группа 2020 — Инициативная группа восстановления автономии Калмыкии (1954–1956 гг.) / Л. Е. Кокшунова (отв. ред.), С. О. Городовиков, Б. М. Нармаев и др. М.: Де'Либли, 2020. 564 с. [электронный ресурс] // Цифровая библиотека Dokumen. PUB. URL: <https://dokumen.pub/19541956-9785449108715.html> (дата обращения: 25.09.2023).
- Калыбекова 2008 — Калыбекова М. Ч. История депортированных народов Казахстана (1937–1956 гг.). Алматы: LEM, 2008. 188 с.
- Кугультинов 1987 — Кугультинов Д. Н. От правды я не отрекался: стихи. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. 30 с. (Поэтическая Калмыкия. Кн. 11).
- Куканова, Очиров 2021 — Куканова В. В., Очиров У. Б. Исчезающая история «13 лет

- и 13 дней»: проблемы поиска и сохранения архивных материалов о калмыках на спецпоселении в Сибири. Часть 1 // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 4. С. 744–763. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-744-763
- Максимов 2004 — Максимов К. Н. Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. М.: Наука, 2004. 311 с.
- Масанов и др. 2000 — Масанов Н. Э., Абылхожин Ж. Б., Ерофеева И. В., Алексеенко А. Н., Баратова Г. С. История Казахстана: Народы и культура. Алматы: Дайк-Пресс, 2000. 608 с.
- Оглаев 2007 — Оглаев Ю. О. Гражданский подвиг ученого (размышления над книгой профессора В. Б. Убушаева и доцента К. В. Убушаева «Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943–1959 гг.». Элиста, 2007. 494 с. [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2009. № 1–2. С. 402–411. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/index> (дата обращения: 29.01.2023).
- Репрессированные народы 1992 — Репрессированные народы: история и современность: тезисы и сообщен. Рос. науч.-практ. конф. (г. Элиста, 28–29 мая 1992 г.) / отв. ред. В. Б. Убушаев. Элиста: Санан, 1992. 190 с.
- Табулденов 2015 — Табулденов А. Н. Депортация народов и эвакуация в Северный Казахстан (1937–1956 годы). Костанай: Костанайская академия МВД РК им. Ш. Кабылбаева, 2015. 192 с.
- Убушаев 1991 — Убушаев В. Б. Калмыки: выселение и возвращение 1943–1957 гг. Элиста: Санан, 1991. 92 с.
- Убушаев, Убушаев 2007 — Убушаев В. Б., Убушаев К. В. Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943–1959 гг. Элиста: Калм. гос. ун-т, 2007. 496 с.
- Agenda, 1943–1959. Moscow: Institute of Russian History (RAS), 2014. 294 p. (In Russ.)
- Kalybekova M. Ch. Ethnic Deportees in Kazakhstan, 1937–1956: A History. Almaty: LEM, 2008. 188 p. (In Russ.)
- Kokshunova L. E., Gorodovikov S. O., Narmaev B. M. et al. Restoring Kalmykia's Autonomy: The Initiative Group of 1954–1956. Moscow: D ELIBRI, 2020. 564 p. On: Dokumenten.PUB (digital library). Available at: <https://dokumen.pub/19541956-9785449108715.html> (accessed: 25 September 2023). (In Russ.)
- Kugultinov D. N. I Never Disavowed the Truth: Poems (Poetic Kalmykia 11). Elista: Kalmykia Book Publ., 1987. 30 p. (In Russ.)
- Kukanova V. V., Ochirov U. B. The vanishing history of 'Thirteen Years and Thirteen Days': Problems of searching and preserving archival materials on repressed Kalmyks in Siberia. Part 1. *Mongolian Studies*. 2021. Vol. 13. No. 4. Pp. 744–763. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-744-763
- Maksimov K. N. The People's Tragedy: Repressions in Kalmykia. Moscow: Nauka, 2004. 311 p. (In Russ.)
- Masanov N. E., Abylkhozhin Zh. B., Yerofeeva I. V., Alekseenko A. N., Baratova G. S. History of Kazakhstan: Peoples and Cultures. Almaty: Daik-Press, 2000. 608 p. (In Russ.)
- Oglav Yu. Civil feat of the scientist. *The New Research of Tuva*. 2009. No. 1–2. Pp. 402–411.

References

- Anes G. (comp.) Ethnic Deportees in Kazakhstan: Time and Destinies. Almaty: Arys–Qazaqstan, 1998. 428 p. (In Russ.)
- Bakaev P. D. The Disaster in Kalmyk History. Elista: Dzhangar, 2003. 176 p. (In Russ.)
- Bugay N. F. Operation Ulusy. Elista: Zaya Pandita Center of Culture, Science and Education, 1991. 88 p. (In Russ.)
- Dönninghaus V. In the Shadow of the 'Big Brother': Western Ethnic Minorities in the Soviet Union, 1917–1938. Moscow: ROSSPEN, 2011. 727 p. (In Russ.)
- Guchinova E.-B. 'I was deported, you lost your leg': Kalmyk Deportation of 1943–1956 in a gender perspective. *Acta Slavica Iaponica*. 2007. Vol. 24. Pp. 74–99. (In Russ.)
- Guchinova E.-B. Ethnic identity as stigma: Kalmyks in deportation (1943–1956). *Forum for Anthropology and Culture (Antropologicheskij forum)*. 2020. No. 47. Pp. 154–180. Available at: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/047/guchinova.pdf> (accessed: 23 September 2023). (In Russ.) DOI: 10.31250/1815-8870-2020-16-47-154-180.
- Guchinova E.-B. To Be Remembered Not Forgotten: Anthropology of Kalmyk Deportation Trauma. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2005. 283 p. (In Russ.)
- Ivanov A. S. 'To Be Expelled as Anti-Soviet Elements ...': Kalmyks in the Official Political

- Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/index> (accessed: 29 January 2023). (In Russ.)
- Tabuldenov A. N. Ethnic Deportees and Evacuees in Northern Kazakhstan: 1937–1956. Kostanay: Kabyrbayev Kostanay Academy of Internal Affairs Ministry, 2015. 192 p. (In Russ.)
- Ubushaev V. B. (ed.) Repressed Peoples: Past and Present. Conference proceedings (Elista, 28–29 May 1992). Elista: Sanan, 1992. 190 p. (In Russ.)
- Ubushaev V. B. Kalmyks, 1943–1957: Deportation and Return. Elista: Sanan, 1991. 92 p. (In Russ.)
- Ubushaev V. B., Ubushaev K. V. Kalmyks, 1943–1959: Deportation, Return, Revival. Elista: Gorodovikov Kalmyk State University, 2007. 496 p. (In Russ.)

